

Екатерина Барышникова

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ XVIII ВЕКА В ЧЕРТЕЖАХ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БЕРХГОЛЬЦА

В составе значительной по объему (около 40 тысяч листов) и ценной коллекции европейских архитектурных чертежей, собранных в XVIII веке шведскими королевскими зодчими Тессинами и Хорлеманом, особое место занимают русские чертежи, в которых запечатлены здания многих городов и, в первую очередь, Санкт-Петербурга.

В 1959 г. молодой научный сотрудник Национального музея в Стокгольме Бьёрн Халльстрём, изучавший творчество Андреаса Шлютера, заинтересовался собранием русских чертежей, составил и опубликовал их каталог¹ (с небольшим количеством иллюстраций) и побудил в 1962 г. дирекцию Государственного Эрмитажа организовать выставку всех обнаруженных петербургских листов. Со своей стороны отделение рисунков западноевропейского отдела Эрмитажа, руководимое Т. Л. Каменской, с помощью преподавателя кафедры истории искусства Ленинградского университета Ю. М. Денисова дополнило шведские материалы чертежами из Эрмитажа, других музеев и архивов Москвы и Петербурга. Грандиозная выставка, продолжавшаяся около трех месяцев, имела большой успех, но, увы, научный каталог, рукопись которого была тогда же подготовлена, так и не был опубликован².

Как установил Б. Халльстрём, русские чертежи собрал Фридрих-Вильгельм фон Берхгольц (Bergholtz), чье имя давно известно исследователям русской истории. Он был сыном голштинского дворянина Берхгольца, генерал-лейтенан-

та на службе в армии Петра I. Жена и сын генерала также находились в России, претерпевая тяготы походной жизни. После кончины родителей мальчика-сироту отправили в Голштинию, а через семь лет он снова вернулся в Россию.

Не успел камер-юнкер Берхгольц, зачисленный в 1721 г. в свиту голштинского герцога, въехать в Петербург, как сын управляющего Красным Селом узнал его, «бросился на шею и сказал, что видел меня много раз, находясь в полку моего отца; что часто хаживал в ваш дом»³.

Значительно разросшийся за это время Петербург поразил его, уже побывавшего в Париже, многих немецких городах, и старательный камер-юнкер подробно описывает в своих ежедневных дневниковых записях самые интересные здания. Масса других исторических и бытовых подробностей, разбросанных на страницах четырех томов дневника, сделали его одним из ценнейших источников сведений о дворе Петра I и жизни русских вельмож.

Берхгольц покинул Петербург после свадьбы Голштейн-Готторпского герцога Карла-Фридриха (1700-1739) и старшей дочери Петра I Екатерины Анны Петровны (1708-1728). 10 февраля 1728 г. у них родился сын, внук Петра I и внучатый племянник Карла XII, нареченный Карл-Петер-Ульрих. Через месяц после родов мать умерла, и вскоре Ф.-В. фон Берхгольц стал воспитателем малолетнего принца, с которым и уехал в Германию.

Через три дня после дворцовного переворота

25 ноября 1741 г. тетка Карла-Петера, бездетная императрица Елизавета Петровна объявила принца наследником русского престола. За Карлом-Петером-Ульрихом в Киль послали майора барона Николая-Фридриха Корфа. В сопровождении своих наставников, обер-гофмаршала Брюммера и обер-камергера Берхгольца, он прибыл в Петербург в феврале 1742 г., накануне своего четырнадцатилетия.

Занимая довольно ответственное и почетное место при русском дворе, Берхгольц уже не отваживался доверять бумаге свои повседневные мысли и переживания. Впрочем, его положение, как и положение самого принца, было весьма сложным. Принц продолжал не только оставаться членом шведского королевского дома, но и был избран в 1741 г., после смерти королевы Ульрики-Элеоноры, преемником ее мужа — короля Фредрика. Мальчика готовили к «занятию шведского престола и, следовательно, воспитывали в духе лютеранской религии и шведского патриотизма — а последний в то время выражался, между прочим, в ненависти к России»⁴. Ко всему прочему современники не без ужаса заметили вскоре, что «Петр обнаруживал все признаки остановившегося духовного развития — он являлся взрослым ребенком»⁵.

В 1741 г. шведы начали войну с Россией, одним из поводов которой было восстановление прав потомства Петра Великого, то есть Елизаветы Петровны и голштинского герцога. Казалось бы, после воцарения Елизаветы этот повод был исчерпан, но генерал Левенгаупт собирался заключить мир только после того, как «Россия уступит Швеции все завоевания Петра Великого». Военные действия обернулись для шведов неудачами, и 19 августа 1743 г. в Або был подписан мир, по которому Швеция теряла часть Финляндии по реке Кюммене. По настоянию России, наследником престола был признан Гольштейн-Готторпский герцог Адольф-Фридрих (по-шведски Адольф-Фредрик).

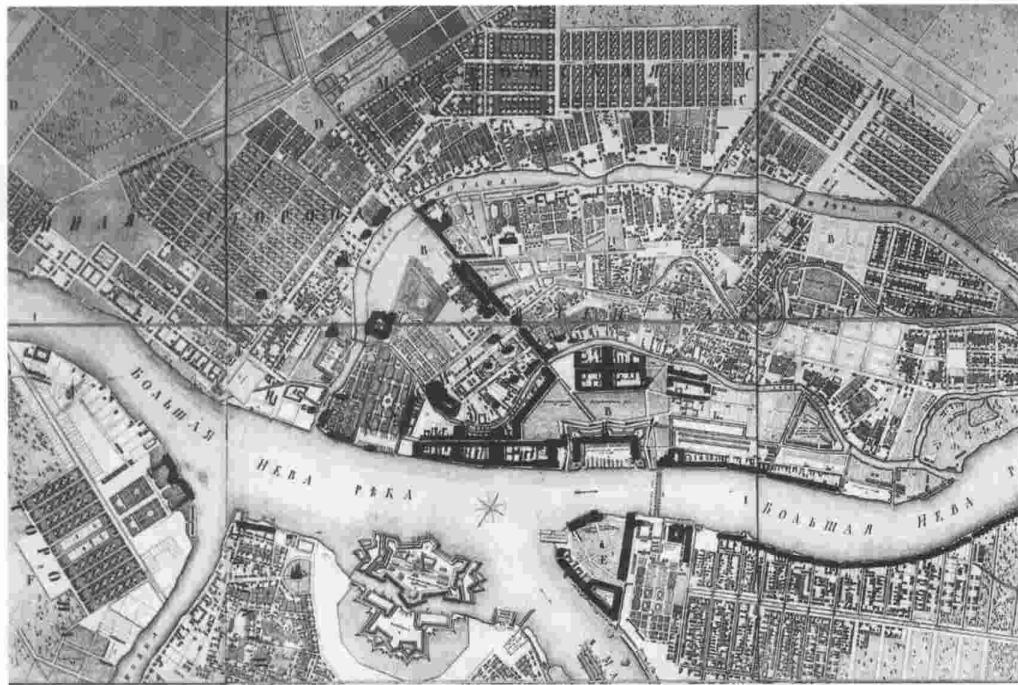
В сущности, несмотря на благодеяния русского двора, Берхгольц всю свою жизнь оставался приверженцем шведской ориентации. Несом-

ненно, он внушал эти взгляды и своему воспитаннику, которого, однако, попытались отградить от подобного неуместного влияния. Через полгода после коронации Елизаветы Петровны вышел манифест от 7 ноября 1742 г., объявляющий голштинского принца русским великим князем и наследником престола, с крещением в православие и наречением Петром Федоровичем (будущий император Петр III). В возрасте шестнадцати лет 21 августа 1744 г. его женили на принцессе Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербстской, получившей при православном крещении имя Екатерины Алексеевны (будущая императрица Екатерина II).

Берхгольц стал *persona non grata* и в 1746 г. был вынужден покинуть Россию. Он поселился в Висмаре, где и скончался в 1765 г. За время пребывания в России (1742-1746) Берхгольц, скорее всего под предлогом обучения великого князя «архитектурии цивилис», собрал замечательную коллекцию чертежей.

Петербургские материалы коллекции Берхгольца можно разделить на несколько разделов, связанных с источником поступлений. Главная и самая ценная часть, несомненно, происходит из упраздненной Комиссии о Санкт-Петербургском строении, архитектором которой был знаменитый градостроитель Петр Михайлович Еропкин. Он, как и другие патриоты, под руководством кабинет-министра Артемия Петровича Волынского боровшиеся против герцога Эриста Бирона, был обезглавлен в 1740 г. Комиссия распалась, чертежи остались бесхозными, и Берхгольц, занимавший высокое положение при дворе, конечно же, мог получить их под каким-либо благовидным предлогом.

В 1737-1738 гг. воспитанниками Кадетского корпуса под руководством фон Зихгейма была проведена точная геодезическая съемка всех строений Петербурга. Этот план (вполне заслуживающий факсимильного воспроизведения) лег в основу сложной работы по созданию аксонометрического, т. е. пространственного вида новой столицы. Для ее осуществления необходимо было произвести фиксационные обмеры

Фрагмент плана Санкт-Петербурга 1753 г. (План Махаева). Тёмным цветом показана застройка, изображенная на чертежах из коллекции Берхгольца.

фасадов всех строений города и составить длинные «развертки» по главнейшим магистралям.

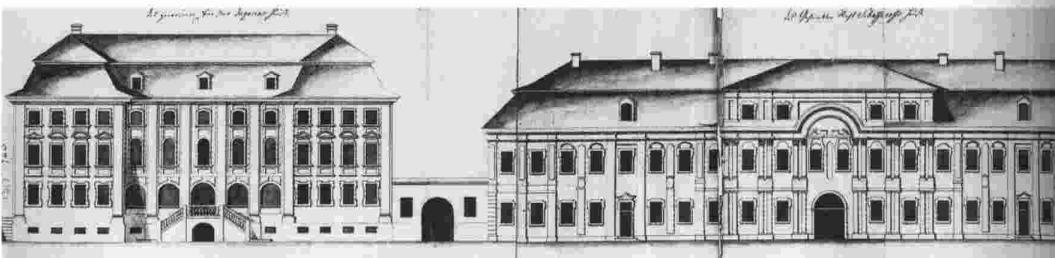
Значительный интерес в этих созданных комиссии развертках представляют изображения Петровской набережной⁶. Рядом с домиком Петра Великого⁷, планы и фасады которого из коллекции Берхгольца являются его первыми сохранившимися графическими изображениями, находились пять новых каменных домов ближайших сподвижников Петра. Они были сооружены с августа 1710 по 1713 г. Первым стоял дом князя М.П. Гагарина, затем дом вице-канцлера П.П. Шафирова, «князь-папы» Н.М. Зотова, генерала Шипова и канцлера Г.И. Головкина.

Эти пять каменных домов являются собой как бы программу дальнейшей архитектурной стилистики Петербурга. Все они исчезли еще в XVIII веке, и только коллекция Берхгольца позволяет увидеть подлинный облик фасадов, по-

скольку на знаменитой панораме Зубова 1716 г. они показаны схематически, и кроме того, дом Гагарина закрыт торжественной декорацией.

Очень простой облик имеет «папин дом» (Н.М. Зотова). Его формы перекликались со стоящим напротив, по другую сторону Невы, Летним дворцом Петра Великого. Центральный портал выделен простым наличником, на завершении которого стоят две вазы или, скорее, ядра с пламенем. Эта центральная часть подчеркнута двумя лопatkами, идущими во всю высоту здания. Членения фасадов просты, детали почти отсутствуют, лишь рустовка укрепляет углы, и простые наличники с «приливами» охватывают мерный ряд окон. Следует особо отметить, что размеры окон и их обрамления во всех этих дворцах почти одинаковы.

Самым небольшим является дом генерала Шипова. Это одноэтажное здание, но, в отличие от дома Зотова, его стены ритмически рас-

Застройка Петровской набережной. 1710-е гг. Слева направо: дом князя Гагарина, дом вице-канцлера Шафирова, дом «князь-папы» Зотова, дом генерала Шипова, дом канцлера Головкина. НМ.

членены лопатками, то соединенными попарно по сторонам двух входов с высокими крыльцами, то поднимающимися в виде «большого ордера» в центральной двухэтажной части. Здесь намечена схема, которая в 1714 г. будет разработана Д. Трезини в качестве дома для зажиточных с мезонином. Впоследствии аналогичную композицию имел дом «архиатора» фон Блюмментроста, сооруженный на Миллионной улице.

Наиболее ранняя постройка на набережной — дом канцлера Головкина. Он сооружался начиная с августа 1710 г. из кирпича разобранных строений Ниеншанца. Это свидетельствует не только о всем известной скрупульности Головкина, но и убедительно подчеркивает, что кирпич в раннем Петербурге достать было крайне сложно. Его производство едва налаживалось, и основной толчок был дан в 1714 г. указом Петра I о запрещении каменного строительства во всей стране, чтобы привлечь в Петербург не только умелых мастеров, но и материалы.

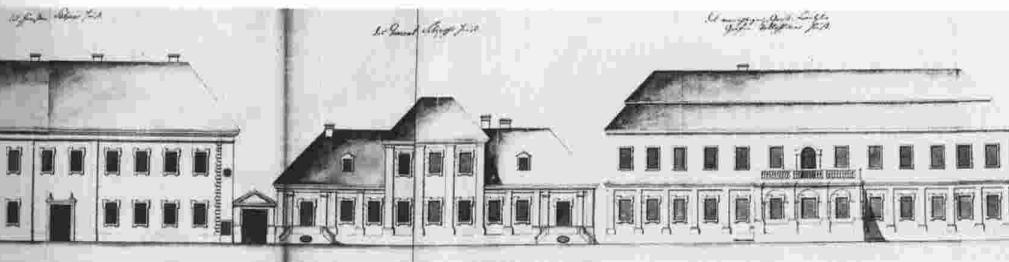
Дом Головкина тоже прост — только в первом этаже имеются межкоронные лопатки, центральная часть в три окна несколько выступает вперед и поддерживает балкон, обнесенный балястрадой. Второй этаж предельно скромен, и лишь балконная дверь сделана с полуциркульным верхом и подчеркнута порталом. В этих трех домах мы видим модель будущей массовой застройки Петербурга обывательскими зданиями.

Если Шафиров обратился к неизвестному нам архитектору итальянской или южно-немец-

кой барочной стилистики, то Матвей Петрович Гагарин заказал проект, несомненно, архитектору немецко-голландской ориентации. Дворец выделяется своей высотой. Вертикальность его решения подчеркнута двумя ризалитами со сложными и крутыми двойными крышами с переломом, между четырехоконными ризалитами заключена центральная часть с открытой аркадой первого этажа, к которой ведет высокое крыльцо. Окна парадной залы во втором этаже также имеют полуциркульные завершения, а простенки между ними выделены шестью лопатками «большого ордера», охватывающими три этажа.

Таким образом, будущим застройщикам Петербурга была продемонстрирована, как и впоследствии в «образцовых» проектах и домах, новая регулярная архитектура на западноевропейский манер, использующая различную стилистику и объемно-пространственные решения.

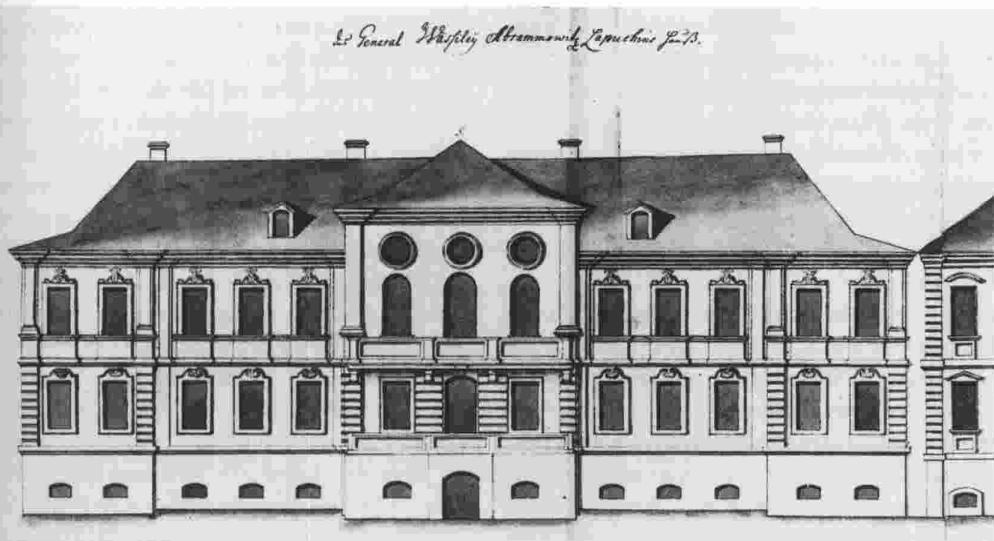
Основное место в чертежах коллекции Берхгольца занимают изображения зданий, стоявших на парадных набережных Невы. На длинных склеенных листах последовательно показаны все фасады, выходившие на берега Васильевского острова. Большое место в панораме занимал новый Большой Гостиный двор⁸, сооруженный по проекту Д. Трезини на Васильевском острове в 1735 г. Он был настолько велик, что после разборки в начале XX века на его месте был создан целый квартал монументальных административных и общественных зданий. Хотя Гостиный двор запечатлен в гра-

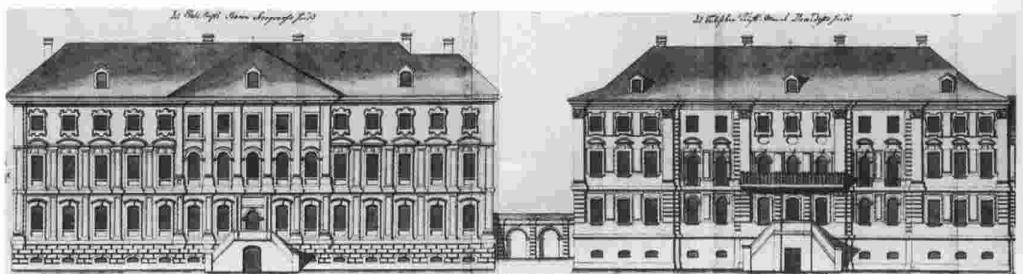
вюре с рисунка Махаева, листы шведской коллекции дают исчерпывающее представление об этой важной постройке и позволяют провести научно обоснованные реставрационные работы его небольшой сохранившейся части. Четыре фасада Гостиного двора были одинаковы и представляли собой открытую аркаду первого этажа, охватывающую все здание. Самый протяженный фасад, обращенный к пристани Главного петербургского порта, насчитывал 83 арки.

В соседних с Гостиным двором домах прослеживается идея, близкая к застройке Петровской набережной. Все дома имеют одинаковую высоту цоколя — «выше прибылой воды» (при на-

воднении) на 1 аршин (71 см), одинаковую высоту этажей и венчающего карниза. Однако «регулярность» и «образцовость» дополняются разнообразием архитектурных решений. Особенно это видно в трех дворцах — генерала Лопухина⁹, знаменитого промышленника Демидова¹⁰ и семьи Строгановых¹¹. Каждый из этих дворцов решен в своей стилистике. Наиболее пышен дом баронов Строгановых с центральным шестипиластровым портиком, лучковыми фронтонами над окнами и сложным членением стены. Стоящий рядом дом Демидова решен в ином стилистическом ключе — с выделением трех ризалитов пилястрами композитного ордера.

Набережная Васильевского острова. 1710-е гг. Дом генерала Лопухина. НМ.

Набережная Васильевского острова. 1710-е гг.
Слева направо: дом баронов Строгановых, дом промышленника Демидова. НМ.

При реставрационных работах во дворце Меншикова использовались изображения из коллекции Берхгольца, и это же следует сделать при предстоящей реставрации фасада здания Двенадцати коллегий¹². Гигантское строение, протянувшееся на 400 метров, запечатлено на чертежах с более богатой архитектурной отделкой, чем ныне сохранившаяся. На чертежах центральные портики каждой коллегии четко выделены пилястрами коринфского ордера, в то время как поле стены членится лишь лопatkами с филенками. Впоследствии это различие было утрачено и несомненно требует своего воссоздания. Еще в большей степени это касается аркады первого этажа, имевшей значительно более стройные пропорции, потому что впоследствии, чтобы обезопасить коллегии при наводнениях, здание на 185 см было засыпано землей.

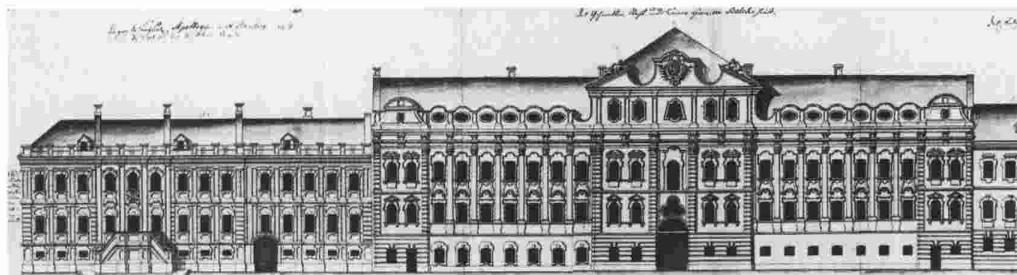
После Меншиковского дворца до 27-й линии идут дома видных вельмож петровского времени, для которых был использован «образцовый проект дома для именитых», разработанный архитектором Ж.-Б. Леблоном в 1717 г. Каждый из владельцев вносил некоторые изменения в жесткую схему проектной гравюры, и потому «выстроенные великолепные дома, из которых один был красивее другого» уже в 1721 г. произвели на Берхгольца сильнейшее впечатление. Особый интерес представлял собственный дом Доменико Трезини (ныне — Университетская наб., 21)¹³. Несмотря на то, что он был построен в 1721 г., Трезини использовал в его фасаде свое старое, отвергнутое Петром решение «дома для

именитых». Последнее уступало проекту Леблона и потому не прижилось в Петербурге, но Трезини несомненно нравилось собственное решение с типичными для него пилястрами «большого ордера», которое он воспроизвел при строительстве своего дома, во многом сохранившего первоначальные черты.

Еще разнообразнее показана застройка противоположного берега Невы — Верхней (Дворцовой) и Нижней (Английской) набережных. Они формировались не только в петровское время, многое построили в 1730-е гг. по проектам Еропкина и его товарищей.

Подобные же «развертки» отражают давно исчезнувшую застройку Миллионной улицы, набережной Красного канала, Миллионной-Луговой улицы, Большой и Малой Морских улиц, Невского проспекта (тогда «Большой Перспективы») и других магистралей города.

Застройка Миллионной улицы значительно пострадала от пожара, и чертежи показывают наряду со старыми, до 1736 г., великолепные новые постройки. Интересно сопоставить здание Главной аптеки¹⁴, построенное Д. Трезини в формах достаточно развитого барокко петровского времени, где были скромные членения стены и обрамления окон получили значительное развитие и усложнение, с примыкающим к ней дворцом генеральши Балк¹⁵, возведенным по проекту И.К. Коробова в начале 1740-х гг. — прообразом новых свершений эпохи зрелого русского барокко середины XVIII века. Дворец колоссален по протяженности (23 оси). В нем

Южная сторона Миллионной улицы.

Слева направо: здание главной аптеки, дом генералыша Балк. Н.М.

Коробов прибегает к изощренным приемам развитой стадии стиля. Центральный ризалит венчает разорванный фронтон с аллегорическими статуями, возлежащими на его скатах, и пышным фамильным гербом. Впервые встречается необычный для Петербурга прием мансарда с овальными окнами, подобно кружеву венчающими нарядный дворец.

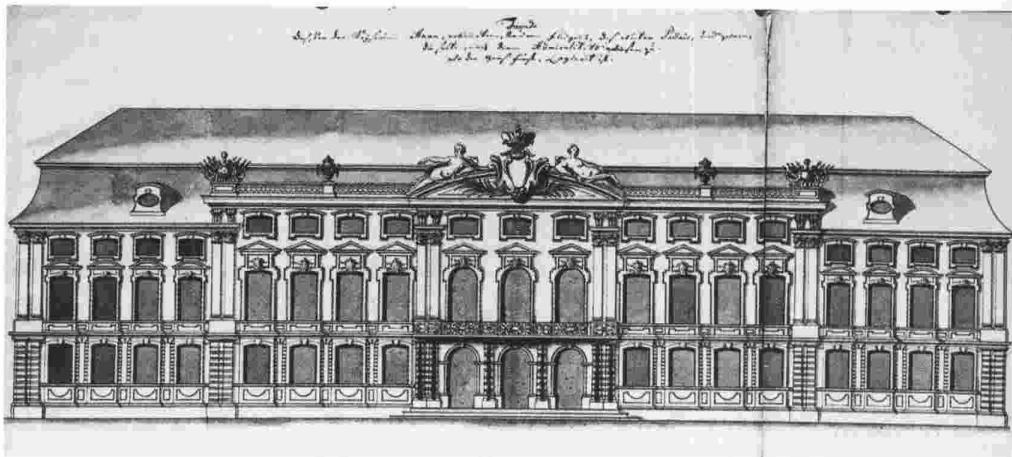
Чертежи из коллекции Берхгольца отразили и застройку новых частей города, в частности, работы М.Г. Земцова, создавшего облик Большой перспективы (Невского проспекта) на основе своего образцового проекта обывательских зданий. Застройка была разнообразной: в одних кварталах — «единой фасадой», в других — рядом отдельных строений, объединенных фигурными воротами¹⁶. Ансамбль проспекта уже тогда сложился из ряда различных по объему, архитектурному решению и назначению зданий. Здесь был протяженный Гостиный двор (тогда еще деревянный — арх. Коробов), каменные «Милютинские лавки», большая церковь Рождества Богородицы с колокольней, завершенной характерным для Петербурга шпилем, наконец колоссальная усадьба некоронованного супруга Елизаветы Петровны — графа А.Г. Разумовского, знаменующая переход от раннего барокко к великолепию зодчества середины XVIII века.

Особенность всех этих изображений — различие в масштабах горизонтальных и вертикальных размеров зданий. Они как бы вытянуты вверх для того, чтобы при переводе в аксонометрическую проекцию фасады зрительно сохранили пропорциональный облик.

Однако в этих чертежах отсутствовали изображения многих домов и дворцов, в которых Берхгольц побывал, сопровождая великого князя в поездках, и облик которых его заинтересовал. Так сложился второй раздел собрания, представляющий любительские карандашные зарисовки в ортогональных проекциях, с точным количеством окон и дверей, но плохим пониманием архитектурных деталей и пропорций. Сам Берхгольц (или лицо, которому он поручал делать зарисовки) стремился отобразить здания сразу со всех сторон. Это позволяет предположить, что Берхгольц собирался создать объемно-пространственные макеты, которые особенно наглядно показывают особенности архитектурного замысла.

Наконец, к третьему разделу следует отнести профессиональные копии с чертежей фасадов и интерьеров императорских резиденций, как правило, спроектированных обер-архитектором двора графом Франческо-Бартоломео Растрелли. Естественно, Берхгольц, даже если и поддерживал дружеские отношения с великим архитектором, не мог получить от него утвержденные императрицей оригиналы проектов. Но многочисленные ученики мастерской Растрелли или Канцелярии от строений по указанию маэстро и за незначительную плату вполне могли выполнить копии с интересовавших Берхгольца чертежей.

Несомненно, любознательный немец соби-

Зимний дворец императрицы Анны Иоанновны. Фасад на Адмиралтейский луг. НМ.

рался создать обобщающий труд о столице России. Он зарисовал планы отдельных частей города, чтобы легче ориентироваться в довольно сложной топографии дельты Невы. Его внимание привлекли и загородные резиденции императрицы — Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум, Царское Село, и дачи вельмож на Петергофской дороге.

Особый интерес на всех чертежах представляют надписи, в которых скрупулезно отмечены фамилии владельцев домов, их чины и звания. Все собрание в целом должно было представлять своеобразный иллюстрированный адрес-календарь такого качества, которого никогда не достигали подобные издания XIX и XX веков.

Непреходящая ценность и уникальность коллекции Берхольца состоит в том, что город предстает в ней как единый целостный организм, в то время как в русских архивах и музеях можно найти лишь отдельные проекты зачастую второстепенных малозначительных построек первой половины XVIII века. Город, который мы видим на развертках Берхольца, исчез к началу XIX столетия, и чертежи открывают изумленному зрителю великолепие столицы России, которой восхищались многие путешественники середины XVIII века.

Примечания

1. Hallström, Björn H. «Russian Architectural Drawings in the Nationalmuseum». *Nationalmusei skrifterserie*, 9. Stockholm, 1963.
2. Денисов, Ю.М. Архитектура Петербурга первой половины XVIII века из собрания Национального музея в Стокгольме в залах Государственного Эрмитажа. Буклет выставки. Л., б/г [1963].
3. Дневник каммер-юнкера Берхольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721 по 1725 год, ч. 1. М., 1857, с. 44.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. XXIII. СПб., 1898.
5. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен, т. 21, кн. XI. М., 1993, с. 164.
6. Инв. № THS (Tessin-Härlemanska Samlingen [Тессин-Хорлеманская коллекция]) 9024, Национальный музей, Стокгольм.
7. THS 158.
8. THS 9069, 9070, 9071, 99072.
9. THS 9074.
10. THS 9073.
11. Там же.
12. THS 9068.
13. THS 9050.
14. THS 8961.
15. Там же.
16. Часть коллекции Берхольца, посвященная Невскому проспекту, опубликована в Приложении Ю.М. Денисова к книге «Панorama Невского проспекта В.С. Садовникова». Сост. И. Котельникова. Л., 1974.